

Игорь Дихтер

ПОЛДЕНЬ ВОЙНЫ

Игорь Дихтер

Полдень войны

«Издательские решения»

Дихтер И.

Полдень войны / И. Дихтер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904549-2

Слэш. Сборник состоит из 2 рассказов. События разворачиваются на фоне Великой Отечественной войны. Судьба сводит немца и русского в двух разных городах и ситуациях. Есть ли будущее у этой странной и болезненной связи?

ISBN 978-5-44-904549-2

© Дихтер И.
© Издательские решения

Содержание

Дым над Ленинградом	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Полдень войны

Игорь Дихтер

Иллюстратор Игорь Дихтер

© Игорь Дихтер, 2018

© Игорь Дихтер, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-4549-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дым над Ленинградом

Описание:

Декабрь, 1941. Немец и русский.

Они встретились в блокадном Ленинграде, когда вокруг была только смерть.

Примечания автора:

Данная история не могла бы случиться в действительности. В книге осознанно многое неканонично и отчасти изменено.

===== Часть 1 =====

Холод буквально раздирал жилы изнутри, ломал кости, но уходить было нельзя.

Данила знал, что стоит повернуть назад, как самолично лишит жизни родного отца.

Тот был прикован к кровати, ноги его неестественно разбухли.

«Только бы не умер, лишь бы не умер» – думал каждый божий день Данила на самый разный лад.

Он не отдаст отца в руки смерти. Ни за что.

Та и так забрала уже слишком многих родных ему людей.

Ленинград тихо умирал.

Прекрасный старинный город будто бы покрылся серым дымом смерти, оттянутой на некоторое время.

В воздухе витал аромат надвигающегося конца, который будет самым страшным из возможных.

Казалось, ещё совсем недавно на клумбах весело пестрили оранжевые и фиолетовые цветы, а витрины магазинов так и манили модниц и модников взглянуть на плоды творчества ленинградских дом мод.

А слышали ли вы, как журчали в мирное время фонтаны на площадях и в скверах?

Солнце пряталось своими яркими бликами в белых бантах юных школьниц и на деревянных беседках, где старики любили играть в карты.

Это был прекрасный город. Это был дружный город. Самый лучший город на земле.

Школьники и более старшая молодёжь всегда следили за новостями, связанными с Ленинградом. Они чувствовали некую ответственность за всё происходящее. Ведь они – дети тех, кто строил новую страну с нуля. Не каждый мог понять эту особенную гордость предков, если речь шла о жителях других, дальних государств.

Быть может, именно поэтому многие бы добровольно остались в Ленинграде, будь их воля. Умирать, так на родной земле.

Разумеется, не все обладали столь сильными партийными и патриотическими установками, но это считалось исключением из правил.

Каждый житель помнил Ленинград настоящей жемчужиной, впитавшей в себя многовековую историю и обычаи разных народов.

Нет, ленинградец не мог уйти.

Это был город его детства с тихими сонными улочками, залитыми июньским солнечным светом.

Это был город его детства с помпезными дворцами и особняками, некогда блестящими от изобилия позолоты.

Это был город его детства с самыми красивыми театрами и выставками.

Это был город его детства.

Это был его город.

Данила думал об отце. Это и удерживало его.

Да, страшно холодно. Но он не уйдёт.

Он будет стоять до тех пор, когда кто-нибудь не купит его самовар. Точнее, самовар бабушки, но на кой он ей теперь?

Она умерла десять дней назад.

Кое-как ударив одной ногой о другую, Данила опустил взгляд на свои валенки, покрытые слоем снега. По обе стороны от него мёрзли такие же «торгаши», вышедшие только для того, чтобы обменять хоть что-то на крупу или кусочек сухаря. Да даже клей не помешал бы в столь лютый мороз, когда в пустых ленинградских квартирах умирали близкие и родные люди...

Данила краем глаза заметил, как стоящая справа старуха падает, даже не падает, а тихо оседает на лёд. Кто-то подошёл к ней и потряс за плечо.

– Умерла, – раздался совершенно спокойный голос.

К смерти уже привыкли в заснеженном городе смерти.

Жизнь оставляла всех в этом проклятом месте.

===== Часть 2 =====

Облокотившись на кирпичную стену позади себя, Данила закрыл глаза. Ему казалось, что он вот-вот свалится от отсутствия сил.

Последнее время он отдавал почти весь свой хлеб Васе и отцу. Они оба болели. А сам Даня хотя бы мог выходить на улицу, потому что ответственность за своих родственников легла на его плечи.

Он даже не знал, что хуже: холод или голод?

Ещё в ноябре морозы ударили просто невероятные, градус опускался до – 30. А на дворе уже стоял декабрь, потому становилось только хуже. Люди умирали и умирали. Всё быстрее и быстрее.

В какие-то дни Даниле казалось, что блокадное кольцо вот-вот прорвут. Тогда и жизнь снова расцветёт всеми своими красками, тогда и люди снова станут улыбчивыми и приветливыми.

А потом надежда неожиданно сменялась на чёрную тоску.

Вчера умерла Лариса из квартиры напротив. Эту женщину парень знал с раннего детства, она очень тесно дружила с его матерью.

Он видел, как её выносили, закутав в какие-то тряпки. Худая, почти скелет, обтянутый прозрачной кожей, да и белая, словно мел. Но Данила узнал её. И эта смерть порвала в душе очередную струну надежды.

Теперь нужно было добыть хоть какой-то еды для брата и отца. Потому что только он мог спасти их жизни, он мог что-то изменить.

В их большой квартире с высокими грозными потолками было много добра, но кому оно было нужно в городе, где в первую очередь каждый хотел просто выжить? И для этого нужна была любая еда, а не цацки.

Роскошный большой самовар сам попал под руку Волконскому.

Потому его он и взял, даже не думая.

Стоя с закрытыми глазами, он слышал, как кто-то возбуждённо разбирает товары, которые продавала умершая старушка. Но смотреть на это ему совершенно не хотелось.

– На что меняешь?

Данила даже не сразу понял, что голос обращается к нему.

С трудом разлепив запорошенные снегом ресницы, сфокусировался.

Перед ним стоял невысокий худой мужчина с поднятым воротником на сером пальто. Из рта у него торчала спичка.

– Да на съестное что-нибудь. Клей сойдёт, – поспешно ответил Волконский, отталкиваясь от стены.

– Столярный клей? Есть такой, – присев на корточки, незнакомец обвёл ладонями пузатый самовар, убирая с него хлопья снега, – и не жалко?

– Что? – изумился Волконский, неотрывно глядя на мужчину.

Вопрос показался ему настолько абсурдным и даже глупым, что он не нашёлся, что ответить.

– Блокада вот-вот кончится, – с неким бахвальством в тоне ответил тот и встал, – и тогда всё добро такое пригодится. А умный человек найдёт, как прокормиться, не теряя золото и бриллианты.

– Как, например? – оживился Данила.

Незнакомец как-то странно взглянул в его глаза, медленно сунул руку в карман, достал оттуда тюбик и бросил брютету. После чего взял чемодан, ухмыльнулся, и молча пошёл прочь.

Данила так увлёкся изучением этого тюбика, что и думать забыл о мужчине, который оглянулся на него.

Воровато осмотревшись, парень поспешно спрятал клей в карман, и кинулся домой.

Гололёд был страшный, это мешало быстрой ходьбе. Да и маковой росинки вторые сутки во рту не было, оттого хотелось просто лечь и уснуть. Но вот беда: от голода и сон не шёл.

Семья Волконских жила в доме номер 16 на Таллинской улице.

Когда-то это было очень красивое место: в большой двор сбегались дети со всей округи, ибо на его территории находилось много различных качелей и горок.

Сейчас же двор пустовал, тихо спал под снежной шапкой. Иногда казалось, что он и вовсе умер вместе со многими ленинградцами, когда-то приходившими к нему.

Думать об этом было странно, но Данила не мог выбросить подобное из головы, приближаясь к помпезному дому с широкой большой аркой.

Было невозможно тихо. Пустые глазницы окон печально тарасились на него, а за их стёклами умирали люди.

Придерживаясь за перила, Волконский медленно поднимался на четвёртый этаж. Почти все двери соседских квартир были распахнуты, но Данила старался не задерживаться ни на одной взглядом.

Он боялся увидеть знакомых людей совсем другими, резко изменившимися за всё это жуткое время.

Когда он вошёл в свою квартиру, то поспешил закрыть дверь на щеколду.

– Пришёл! Я ждал тебя! – шепелявя, пятилетний Вася крепко обнял старшего брата за ноги.

Данила погладил того по лысой голове, стянул пальто, шапку и валенки. А после вытащил из кармана тюбик клея.

– Скоро будет немного еды. Как там отец? – тихо спросил Волконский, медленно идя по ледяному полу в сторону кухни.

– Стонал он долго, а потом уснул. Спит до сих пор, – Вася уселся за обеденный стол, с интересом наблюдая за тем, как Даня возится с кастрюлей. Выглядел он даже немного счастливым, но нельзя было не заметить алых болячек, россыпью покрывающих всё его тело.

Василий и без того родился очень слабым, недоношенным.

Мать его, Лилия Ивановна, не так уж и хотела иметь дитя. Просто «так получилось».

Зато Николай Григорьевич был безмерно рад маленькому сыну. Ведь это была его новая надежда, его горизонты, его смысл жизни.

На Лилию он не сердился. Та всегда ставила карьеру выше семьи, потому быстро сбегала, когда у Николая начались проблемы с чекистами.

О ней Данила почти никогда не вспоминал. А уж тем более в столь трудное время. Сейчас имели значение только отец и брат. Остальное вторично.

Сделав небольшое количество киселя из клея, Данила разлил его по кружкам. Одну поставил перед Васькой, который тут же обхватил её обеими ладонями, а со второй пошёл в комнату отца.

Тот лежал на диване, прикрытый старым пледом. Лицо бледнее, чем у призрака. В какой-то момент Дане стало страшно: вдруг умер?

Он в некоем ужасе сжал плечо отца и потряс его.

Тот медленно открыл глаза, зашевелил губами:

– Ты пришёл... Где Вася?

– Это кисель. Ты выпей. Согреться надо, – дрогнувшим голосом отозвался парень, чуть приподнимая голову Николая Григорьевича и поднося чашку к его губам.

Мужчина с трудом сделал пару глотков.

– Я ещё что-нибудь попробую продать. Один раз ведь получилось. Значит, и во второй получится, – еле сдерживая ужас, успокаивал словно самого себя Данила.

Отец отвернул лицо, закрывая глаза. Голова его резко стала тяжелее.

Волконский аккуратно опустил её.

Нужен врач, очень нужен врач.

Но где взять его? Кто пойдёт к ним, когда умирают все без разбору?

Оставив кружку на тумбочке возле дивана, Данила вернулся на кухню. Вася болтал ногами, потягивая с громким звуком кисель из клея.

Брюнет спрятал тюбик с остатками субстанции, взял свою порцию, и принялся крайне медленно пить.

Казалось бы, приготовленный напиток был совсем не из добротного продукта, но у Волконского стало чуть больше сил. Ощутив их, он вдруг понял, что нужно делать.

Когда с порцией киселя было покончено, Данила прошёл в центральную комнату (гостиную, проще говоря), и принялся забрасывать в мешок всё то, что могло иметь хоть какую-то ценность при обмене на съестное. Это были драгоценные шкатулки, часы, меховые шапки, новенький одеколон «Октябрьский».

С полным мешком он вышел на лестничную клетку и трижды позвонил в дверь квартиры напротив.

Та приоткрылась, в проёме показалась голова Сусанны Игоревны, матери недавно умершей Ларисы.

– Не могли бы вы посидеть у меня? За Васькой приглядеть надо. А я... – он осёкся.

Женщина поправила шаль на плечах и грустно улыбнулась:

– Да понимаю я всё, Данечка. Конечно, приду сейчас. Мне же теперь ничего не остаётся, кроме как лечь и помирать в одиночестве. Сейчас...

Пока старушка натягивала пальто, Волконский вернулся к себе, натянул шапку и верхнюю одежду.

Любопытный Вася уже стоял в коридоре:

– А ты куда? Опять продавать, да?

– Да. Слушайся бабу Сусанну, пока меня нет, понял? Давай пять, – стараясь придать бодрости голосу, протянул мальчонке раскрытую ладонь.

Тот радостно и невесомо шлёпнул по ней.

В дверном проёме появилась седовласая маленькая старушка, несмотря на весь ужас последних дней, добро улыбнувшаяся мальчику.

Уходил Данила с тяжёлым сердцем.

===== Часть 3 =====

Зима 1941 года выдалась для Ленинграда слишком жестокой. Никто не был готов ни к безумному голоду, ни к нестерпимому холоду.

Сперва все думали, что это всё временно, что ждать осталось совсем чуть-чуть. Ведь не может же советское правительство бросить осаждённый город?

Когда загорелись Бадаевские склады после прицельной бомбёжки – у людей началась паника. Но тогда ещё никто и вообразить не мог, что просветления не будет, что вскоре есть станет нечего в прямом смысле этого слова.

Кошки и собаки постепенно исчезали с улиц Ленинграда. Это же касалось и голубей, которых удавалось поймать.

Но самый ужас ждал ленинградцев впереди.

В декабре 1941, несмотря на лютый мороз, горожане ещё надеялись на скорую помощь, на спасение. Они ещё не знали...

Приказ сверху был прост и односложен: «отстоять город любой ценой». Но кто же мог подумать, что в конце 41-го кошмар только начинался и всё ещё было впереди?

Данила вернулся в тот день на то же место, где стоял с самоваром. Кисель из столярного клея придал ему сил, а удачная сделка подарила надежду.

Но время шло, а предложенным на развале товаром никто не интересовался.

Стоящие рядом люди собирали вещи и тихо разбредались домой, ибо темнело зимой рано.

К шести часам Даниле стало так холодно, что казалось, что кости вот-вот лопнут. С трудом закидывая всё добро в мешок, он услышал чей-то кашель. Ему показалось это недобрым знаком где-то на уровне подсознания, ведь на иллюзорном рынке остался он один.

Подняв голову, Волконский увидел того незнакомца, который давеча обменял его самовар на клей.

– Пирожки нужны? – спросил тот со странной улыбкой на устах, аккуратно приоткрывая часть бумажного кулёка, из которого виднелись мучные изделия.

Желудок Данилы свело судорогой, из-за чего он чуть не выронил шкатулку, которую поднимал с земли.

– Откуда это у вас? – выпалил он.

– Да какая разница тебе? Не хочешь менять – другим отдам.

– Нет, нет! Я беру. Что взамен хотите? – брюнет глазам своим поверить не мог.

Настоящие пирожки!

– Да весь свой мешок давай.

Кивнув, Волконский сунул шкатулку в мешок и протянул его мужчине, параллельно буквально выхватывая кулёк с пирожками, чтоб не обманул.

Прижав выпечку к себе, он приоткрыл бумагу, с трепетом и глупой улыбкой рассматривая пирожки.

Настоящие пирожки.

Не помня себя от счастья, Данила бросился домой.

Сусанна Игоревна листала в потёмках какую-то книгу, когда Волконский вошёл в квартиру.

Вокруг неё крутился Васька, играя в машинки. Завидев брата, он снова бросился к нему так, будто бы не видел сто лет.

– У меня тут еда есть, – шепнул Данила соседке, разуваясь и раздеваясь.

Сусанна Игоревна отложила книгу и протянула руки к кулёку:

– Давай мне. Я поделю на кусочки. Нельзя сразу много есть, так наступит смерть.

Парень доверял этой старушке, потому отдал со спокойной душой.

Взял Васю за руку и отвёл на кухню.

Через несколько минут они уже медленно ели небольшие ломтики пирожков, на которые те были поделены.

«Ещё на завтра хватит... И отца надо покормить» – думал Данила, с изумлением замечая, что пирожок-то с мясом.

Вот ведь радость и удача!

Он бы с радостью проглотил сразу несколько штук, но мудрая Сусанна Игоревна сказала, что «нельзя», значит, так и положено.

Волконский был так рад своему знакомству с тем человеком, что даже расцвёл и немного порозовел.

– А что это? – с интересом спросил Вася, вытащив что-то изо рта и протягивая брату на раскрытой ладони.

Данила присмотрелся и улыбка его медленно сползла с лица.

Это был человеческий ноготь.

Сусанна Игоревна опустила глаза в пол от стыда, мгновенно полоснувшего по душе.

С трудом выйдя из оцепенения, Данила ледяными пальцами забрал ноготь из ладони брата, а после поднялся, схватил кулёк с оставшимися пирожками.

Дрожа, уже в коридоре накинул кое-как пальто и шапку, влез в валенки.

Кинулся в подъезд.

Сусанна поймала его за плечо уже на клетке:

– Твоему отцу нужно поесть.

– Да это же человечина! – закричал Волконский с откровенно истерическими нотками в голосе.

– Я знаю, я всё понимаю. Это неправильно. Но твой отец нуждается...

– А эти не нуждались? – дрожа от ужаса, выкрикнул брүнэт, указывая подбородком на кулёк в своих руках, – это были такие же люди, как и мы!

Сусанна Игоревна молчала и смотрела на него так странно, что разгадать этот взгляд парень не мог.

Осознание неправильности происходящего на тот момент было сильнее голода.

Швырнув пачку с пирожками на пол, он бегом спустился с лестницы, и вылетел на мороз.

И не мог видеть, как Сусанна воровато огляделась, подбирая пирожки, и убежала в свою квартиру, крепче запираясь на все замки.

В глазах её не было ничего, кроме одержимости.

Парень бросился прочь, застёгивая набегу пальто. Лицо моментально сделалось алым от холода. Ну и ладно.

Данилу трясло, он беззвучно рыдал, испытывая отвращение, страх и бессилие одновременно.

Ноги сами вынесли его в маленький скверик, где тихо умирал мальчик с мячиком из мрамора, утонув в своём фонтане.

И тут всё внутри Данилы взбунтовалось в прямом смысле слова: обхватив заснеженную голову памятника, он несколько раз выблевал содержимое желудка.

===== Часть 4 =====

Когда спазмы закончились, Волконский обессиленно рухнул на ближайшую скамью. Подбрав снега, принялся натирать им замёрзшее лицо и даже сунул в рот немного. Тот мгновенно превратился в ледяную воду в горячей полости, но стало легче.

Истерика постепенно отступала, сердце снова билось в обычном ритме.

Сейчас он мог думать чуть более трезво и осмысленно.

У Васьки жуткая сыпь по всему телу, его надо показать врачу. Отец тоже нуждается в помощи профессионала.

Скорее всего, Даниле откажут в поддержке, ведь их семья – лишь одна из многих. И в такое трудно время привилегий быть не может никому, даже профессору Николаю Волконскому.

На улице сгущалась кромешная тьма. Фонари не горели, потому люди старались не выходить вечерами из дома.

Но Данила не хотел возвращаться, не сделав ничего полезного для умирающих родственников. И, всё же, ждать рассвета было лучше дома.

– Данька? Это ты? – раздавшийся громкий голос заставил парня обернуться.

Лица звавшего его человека видно не было, потому брюнет встал и медленно приблизился. Привыкшие ко тьме глаза разглядели в звавшем Анатолия Смирнова, его товарища с института.

Они обнялись. Слабо, потому что на большее не было сил.

– Я думал, ты в эвакуации или на фронте, – сказал Толя, когда они вместе пошли прочь со сквера.

– Это же думал и я о тебе.

– Как отец?

– Худо ему. Почти всё время спит. Исхудал, усох, а ноги опухли. Я ходил в нашу поликлинику, мне ответили, мол, «все умирают, персонально к вам никто не пойдёт».

– Плохо, – Смирнов еле двигал губами, словно каждое слово причиняло ему боль, – моя мать устроилась в детский сад, там хлеба дают чуть больше. Но, сам понимаешь, эти несколько граммов не сказать, что сильно меняют наше положение. Но мы и тому рады, ты не подумай.

Некоторое время они шли молча. Только снег скрипел под ногами.

Данила думал о том, как же изменился Толька. Они не виделись с августа месяца. Тогда это был упитанный и весёлый парень, что говорил без умолку. А сейчас рядом с ним брела его худая блеклая тень с ярко-синими синяками под глазами.

Может, и он сам сильно изменился, просто не замечает этого?

Неожиданно на пути товарищей возникло нечто чёрное. Это был труп, дело привычное. Но стоило задержаться на нём взглядом, как становилось видно, что толстые колготы женщины были спущены, а юбка задрана. С оголённого бедра кто-то срезал приличный кусок мяса. И эту рану засыпал снег.

Данила поспешно отвернулся, испытывая очередное желание вырвать.

Смирнов же ничего не сказал, только тяжело вздохнул.

Вокруг не было ни души.

Молодые люди молча двигались в сторону дома, где проживал Анатолий. Со стороны они больше напоминали двух чёрных призраков посреди белоснежного пейзажа.

Данила напряжённо думал лишь о том, как спасти от гибели семью, но мысли эти были какими-то пассивными и медленными. Желудок болел от недавней рвоты и уже привычной пустоты.

Хотелось есть и спать.

Спустя некоторое время они вошли в холодный серый подъезд.

Толя жил на втором этаже вместе с матерью и сестрой. Его отец ушёл на фронт ещё в июне 1941.

Данила бывал у него в гостях пару раз, но теперь не мог вспомнить, при каких обстоятельствах.

Жизнь до блокады – была ли ты?

В квартире пахло чем-то неприятным, было темно.

Они прошли в гостиную.

– А вы, как я понимаю, Анатолий Игоревич Смирнов? – развернувшись на стуле, поинтересовался мужчина в форме.

Чекист.

Белёные глаза задумчиво изучили сперва тощую фигуру Толи, затем более здоровую – Данилы.

Толик стянул с головы шапку и быстро кивнул.

Только сейчас Волконский заметил, что пальто на нём висит, будто на вешалке.

– А вы кто? – строго спросил чекист, обращаясь к Дане.

– Товарищ Анатолия по институту.

– А вы в курсе, товарищ Анатолия, что в этой квартире проживают враги народа?

Данила недоуменно посмотрел на Смирнова.

Тот лишь потупил взор.

– Шпионы, не иначе, – резкий голос разорвал сгустившийся смрад квартиры.

В дверях комнаты стоял статный мужчина в форме, тоже чекист. Волосы его были аккуратно уложены по пробору, на щеках играл лёгкий румянец, а оскал был прямо волчьим. Столь красивый человек сильно контрастировал на фоне бледных полуживых людей.

Серо-зелёный взгляд задержался на лице Данилы дольше положенного.

Волконский поспешил отвернуться, ибо подобное внимание не означало ничего хорошего.

– Что нашёл? – поинтересовался первый чекист, поднимаясь, и забирая из рук коллеги смятую стопку бумаг, – письма, вырезки...

– Оказывается, к семье Смирнова не зря приглядывались ещё до войны, – холодно заметил тот, что был слишком красив, – увозим всех. А это кто такой?

– Товарищ Анатолия, – хохотнул первый, деловито пряча стопку в чемодан.

Недавно в квартире произошёл обыск, потому запнуться о разбросанные предметы было несложно.

– Петровский! Выводи всех! – крикнул первый.

Послышались шаги, и из дал ней комнаты вышел третий чекист, ведя под локти двух женщин.

У Данилы защемило сердце от вида сестры Толи, которая стала просто скелетом. Бледная, почти голубая кожа... Когда она медленно надевала пальто, было видно, что-то кажется ей невыносимо тяжёлым.

Всю семью Смирновых выводили. А те тихо и молча двигались в сторону двери. Спорить не было сил.

– Как твоё имя? – сурово спросил тот, что был краше всех, становясь напротив Данилы.

Тот назвал.

– Адрес?

Волконский поспешно ответил.

– Что ж, Данила, иди-ка ты домой, пока и тебя не повязали.

Брюнет кивнул.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Затем незнакомец сморгнул, натянул фуражку, и быстро покинул квартиру следом за товарищами и задержанными.

Рассвет смущённо заглянул в Ленинград, но из-за регулярной бомбёжки неба практически не было видно.

Немец в форме чекиста медленно выкуривал вторую сигарету, глядя на город, который очень скоро сотрут с лица земли.

Но думал он совсем не об этом.

Черноволосый дьявол не давал Штартеру покоя. Хотя, с чего бы? Они виделись всего несколько минут во тьме вонючей квартиры.

Тем не менее, душа была не на месте.

Немец снова и снова вспоминал красивое лицо и тёмный мрачный взгляд исподлобья. Знал ли этот русский, насколько хорош? Что он делает в этой дыре в окружении смерти и антисанитарии?

Нет, нет... Он не осознаёт, что является настоящим произведением искусства. Такого показывать в лучших музеях Европы, а не сжигать вместе с ленинградским сбродом...

Рука сама потянулась к карте Ленинграда, что лежала на рабочем столе. Найдя взглядом адрес, что назвал черноволосый дьявол, мужчина выпустил дым носом.

На губах мелькнула улыбка, когда Штартер тушил сигарету.

Если он не увидит этого негодного – он сойдёт с ума.

Вдруг при свете дня тот покажется ему совсем не таким потрясающим? Вдруг наваждение пройдёт? Именно на это и настраивался немец, надевая зимнее пальто.

О, как же он ненавидел русскую зиму.

Ему бы делом заняться, а он сорвался на Таллинскую, с неким извращённым наслаждением думая о самом себе: «вот дурак-то».

===== Часть 5 =====

Очереди в булочные для получения суточного хлеба выстраивались ещё с ночи.

Потому, вместо того, чтобы идти домой, Волконский после ареста

Смирновых двинулся в сторону пункта выдачи.

Странно, но разыгравшаяся сцена не оставила в душе парня чернейшего осадка, как было бы ещё полгода назад. Происходящее в городе лишало людей части ощущений и чувств, делая их более холодными и пустыми.

Данила осознавал, что он уже на пути к полной потери самого себя и какой-либо надежды. Спустя некоторое время тоже превратится в безликую тень, которую не будет трогать растерзанный людоедами труп на тротуаре. И это будет вполне естественный процесс, несмотря на всю его парадоксальность.

– Странно, что давно налёта не было, – произнесла одна женщина в очереди.

– Небось, затихли перед сильной атакой, – ответила вторая, – кстати, слышала, что в сороковом доме поселились людоеды?

– Это тот, что разрушен?

– Да.

– Надо донести, куда следует...

После этого все притихли, не зная, что ещё можно сказать.

Зверский голод не являлся оправданием для такого рода поступка, потому и тогда это считалось чем-то «из ряда вон».

Волконский устало посмотрел на начало очереди. Первые пришедшие уже получали по карточкам заветные порции хлеба.

И вот случилось нечто неожиданное: какой-то мальчишка накинулся на стоящую в очереди женщину, которая только что получила хлеб, и вырвал кусок из её руки. В одно мгновение тот оказался в его рту, который вор закрыл ладонями.

Женщина закричала от ужаса, осознавая, что её только что лишили заветного хлеба.

На мальчишку накинулись сразу несколько человек, пиная его и ударяя по голове.

Смотреть на это было тяжело, но никто не вмешивался.

Потом избитый мальчик, шевеля челюстями, пополз в сторону, но пинки ещё истязали тело.

Еле двигая от усталости ногами, Данила вернулся домой с хлебом, который получал на троих.

Соседки в их квартире давно уже не было, но парень этому не удивился.

Пройдя на кухню, он принялся делить полученные куски на равные порции, которые следовало съесть в течение дня.

– Где ты всё ходишь? – шепеляво спросил Вася, дёргая брата за рукав свитера.

– Думал, где бы еды добыть.

– Чего надумал?

– Ничего пока. Ешь, – вручил мальчонке небольшой ломтик хлеба.

Тот с энтузиазмом набросился на еду.

И только тогда Даня заметил, что болячек на коже брата стало ещё больше.

Нахмурившись, он понёс ломтик и отцу.

Тот так и лежал, медленно моргая. Заметив сына, как-то странно захрипел, будто пытаясь что-то произнести.

– Тише. Тебе нельзя так долго лежать, ты потом не встанешь, – сказал Данила, усаживаясь рядом с родителем.

Вложил ему в рот немного хлеба, горестно вздохнув.

Тот принялся медленно шевелить челюстью, никак не реагируя на слова парня.

Васька уселся в глубокое кресло, смакуя хлеб, будто тот был английским шоколадом, не иначе.

Глядя в бледно-голубое лицо Николая, Данила с некой глубокой печалью понимал, что тот умирает. И никто ему не поможет.

Дети и женщины ещё немного получали помощи, но не дееспособный мужчина. Начнётся лишний шум, не дай Бог, поднимут старое дело от тридцать девятого...

Раздавшийся кашель заставил Данилу вздрогнуть.

Обернувшись, он увидел в дверях того самого чекиста, с которым встретился накануне в квартире Смирновых. «Красавчик» – так мысленно прозвал его брюнет.

«Вот и за мной пришли» – мелькнула паническая мысль.

Тем временем чекист снял фуражку, проходя в комнату:

– Извиняюсь, что без предупреждения, но ныне это в порядке вещей.

Задержавшись холодным взглядом на лице Данилы, немец ощутил прилив нездорового воодушевления.

Тот действительно был очень красив. Глаза не обманули его этой ночью.

Смотрит недоверчиво, исподлобья... Весь пышет скованной нынешним положением страстью.

Если бы не война, этот дьявол был бы ещё более изумительным.

Впрочем, немцу нравился именно такой Данила, подпорченный жутким временем и смертями вокруг.

Придавало это ему некий порок.

– Да ничего, – ответил тем временем Волконский, поднимаясь на ноги.

– Думаю, не будет лишним? – выдержав паузу, мягко улыбнулся Эрик, шурша бумажным пакетом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.